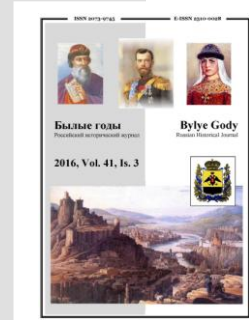

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 629-641, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855

Konstantin S. Zaikov^{a,*}, Aleksandr M. Tamitskiy^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the little-known pages of the "Northern Frontier" history – the Russian-Norwegian border zone, namely the role of the Grand Duchy of Finland in the border policy of the Russian Empire and the Swedish-Norwegian in the border area in 1809–1855. The authors demonstrate that in 1809 the entry of Finland into the Russian Empire strengthened its ability to defend national interests in the far north of Europe. At the same time, the growing influence of the Grand Duchy on the Russian home and foreign policy contributed to the total indoctrination of the Russian-Swedish/Norwegian border and the image of the "Russian threat", which was distributed among the political elite of the Swedish-Norwegian state in the 1820–1850s.

Distribution of russophobic sentiments in the United Kingdom of Sweden and Norway accelerated the urgency of the Northern Frontier formal delimitation for the Russian-Swedish diplomatic relations in the first half of the 1820s. The "Russian threat" also served the ideological basis for gradual securitization and politicization of the Russian-Norwegian border area.

Thus, the United Kingdom of Sweden and Norway viewed the whole range of cross-border relations between the population of Finnmark (Sweden-Norway), Uleåborg province (Grand Duchy of Finland) and the Arkhangelsk province (Russian Empire) as one of the potential threats to national security in the second half of the 19th century. The closure of the Finnish-Norwegian section of the Russian-Swedish/Norwegian border in 1852 and joining the anti-Russian coalition with Britain and France, formally enshrined in the so-called the November Treaty of 1855, become the culmination of this process.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russian threat, the Russian-Norwegian frontier, Saami, Saami crafts.

1. Введение

Одной из наиболее сложных и важнейших задач многонационального государства в современном мире заключается достижение стабильности и гармонии в отношениях между населяющими его народами при сохранении целостности и суверенитета. В этом контексте реализация территориальной политики государственной власти должна быть направлена на достижение баланса между интересами административных образований со смешанным этническим ландшафтом, который не должен противоречить национальным интересам государства, как в сфере внешней, так и внутренней политики (Зайков, 2016: 46-51). Особенно это важно для пограничных, или фронтальных в экономическом и демографическом смысле территорий.

Для Европейского Севера поучителен пример Печенгского района Мурманской области пограничного с Норвегией и Финляндией. В сознании россиян сложился образ финской этнокультурной принадлежности данной территории, присоединенной к Советскому Союзу по итогам Второй мировой войны. Наглядно это выражено не только в бытовом восприятии приграничья, но и в присутствии на современной карте Печенгского района Мурманской области финской топонимики.

Пазрецкий и Печенгский погосты, которые в 1922–1944 годах были частью финской губернии Петсамо Советская Россия уступила в пользу Финляндии только в 1920 г. согласно Тартускому

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), a.tamitskiy@gmail.com (A.M. Tamitskiy)

мирному договору от 14 октября, однако это не снимает с повестки дня вопроса об историчности финских территориальных притязаний на данную территорию.

Идея справедливости притязаний отчасти основана на достаточно дискуссионном факте о якобы сложившейся многовековой традиции хозяйственных промыслов финских саами Улеборгской губернии (совр. – Лапландия) на территории Нявдемского, Пазрецкого и Печенгского погостов – Кольского уезда Архангельской губернии. В XIX в. это послужило основанием для распространения финских территориальных притязаний на северо-западную окраину Архангельской губернии, когда Финляндия была в статусе Великого княжества Российской Империи.

2. Материалы и методы

2.1. Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот.

2.2. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

Оценка роли финского присутствия на территории Северного Фронтра включала изучение и контекстуальный анализ комплекса локальных и региональных источников о хозяйственных спорах в пограничье между российскими и шведско-норвежскими подданными, рапортов и отчетов о трансграничных отношениях окружных/губернских чиновников Финмарской, Улеборгской и Архангельской губерний. В изучение роли «финского фактора» в процессе выстраивания внутренней и внешней приграничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии входил анализ и сопоставление документов переписки центральных властей Швеции/Норвегии с губернаторским корпусом Финмарской губернии и центральных властей Российской империи с Великим княжеством Финляндским и Архангельской губернией.

3. Обсуждение

Концептуально финские территориальные притязания на Крайнем Севере были проработаны национальными этнографами-историками в начале XX в., и это нашло широкое распространение среди норвежских и шведских историков, которые занимались изучением Северного Фронтра, так называемой территории «общих округов» – кондоминиума/фронтра России и Швеции-Норвегии, разграниченному в 1826 году (Lähteenmäki, 2006; Ryymin, 2004: 133-152). Поддерживая идею финского присутствия, скандинавские историки ставят в укор Российской империи несправедливое игнорирование интересов Великого Княжества Финляндского в процессе переговоров по делимитации российско-норвежской границы в 1825–1826 гг., проходившей на территории означенных выше трех погостах Кольского уезда (Pedersen, 2006; Wikan, 1995).

Данные выводы, на наш взгляд, обусловлены не только стремлением историков обосновать территориальные претензии своих стран в ущерб принципу исторической объективности и беспристрастности, но и ошибками методологического характера в описании истории российско-норвежских приграничных отношений.

Методологически дипломатическая и социокультурная история российско-норвежского пограничья традиционно рассматривается скандинавскими и отечественными историками в контексте межгосударственных отношений России и Швеции-Норвегии, где региональным властям Финмарка и Архангельской губерний отводится первостепенная роль в постановке и развитии вопроса о разграничении Северного Фронтра (Andresen, 1989; Niemi, 2009: 431-455). За пределом исследовательского фокуса остается вопрос о роли финского фактора в выстраивании и межгосударственных отношений, и в формировании территориальной политики российских и норвежских властей на общем пограничье. Это во многом не позволяет комплексно оценить действия российских властей в процессе решения пограничных споров периода разграничения Северного Фронтра 1822–1826 гг. и обсуждения трансграничных лопарских промыслов русских/финских саами на территории Норвегии периода 1830–1850-х гг.

Остаются не вполне ясными региональные приоритеты Санкт-Петербурга в выстраивании приграничной внутренней и внешней территориальной политики, в т.ч. дипломатической линии поведения в ходе решения экстерриториальных пограничных споров. Отсутствие исследований в этом направлении приводит историков к ошибочной интерпретации мотивов поведения центральной власти в процессе урегулирования территориальных претензий.

Ярким примером этого является предложение Министерства иностранных дел Российской империи в 1840-е гг. Швеции-Норвегии обмена так называемого «Финского выступа» (Finskekilen) Великого княжества Финляндского на норвежские земли в Южном Варангере, ранее отданные Объединенным королевствам по итогам разграничения Северного Фронтра в 1825–1826 гг.

Рис. 1. Карта Северной Скандинавии с обозначением территории так называемого «Финского выступа»

Игнорируя в этом вопросе «финский фактор», отечественные исследователи М.М. Бородкин и В.В. Похлебкин интерпретировали дипломатическое предложение реваншистскими настроениями императора Николая I, осознавшего несправедливость пограничной конвенции 1826 г. в отношении русских лопарей – жителей Архангельской губернии, хотя сопоставление источников говорит нам об обратном (Бородкин, 1915: 313-314; Похлебкин, 1997: 48-61).

Таким образом, предполагая безусловную важность финского влияния на развитие российско-норвежских приграничных отношений и не изученность данного вопроса в историографии, авторы данной статьи ставят целью анализ роли и места Великого княжества Финляндского в формировании пограничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии на общем приграничном пространстве Северного Фронта 1809–1855 гг.

4. Результаты

Исследуемое в статье историко-географическое пространство охватывает современную физическую территорию норвежско-финского, российско-финского и российско-норвежского пограничья, на котором в XVIII – начале XX вв. располагались земли (сиййт / погостов) коренного населения саами, в том числе земли восточной группы саами (скольтов) вдоль р. Нявдема (по-норвежски – Нейден), р. Паз/Паесь (по-норвежски – Пасвиг) и р. Печенга (по-норвежски – Пейсен) входивших в состав Кольского уезда Архангельской губернии.

Отсутствие единой исторической терминологии в обозначении данного географического пространства в Финляндии, Норвегии и России обусловило поиск более универсального понятия для его обобщенного наименования. С точки зрения расположения общей периферии к национальным центрам можно выделить ее безусловную северность, в тоже время в историко-правовом и историко-географическом аспектах и очевидную фронтирность, поэтому понятие «Северный Фронт» мы считаем наиболее справедливыми и приемлемым понятием для номинации общего пограничья России/Финляндии – Швеции/Норвегии в хронологических рамках 1809–1855 гг.

Ключевую роль в возникновении финского фактора в истории российско-норвежского пограничья сыграли Наполеоновские войны, перекроившие геополитическую карту Европы начала XIX в.

Рис. 2. Карта сийт скольтов. 1 – Нявдемский сийт (Нейден нор.), 2 – Пазрецкий сийт (Пасвиг нор.), 3 – Печенгский сийт (Пейсен нор.) (Голдин, 2015: 522-523)

Первым судьбоносным событием стала русско-шведская война 1808–1809 гг. Летом 1807 г. в Тильзите русский император Александр I заключил союз с Наполеоном. Одним из пунктов договора стало участие России в континентальной блокаде и, если потребуется, силовое принуждение Швеции к участию в наполеоновском блоке. Итогом договоренностей явилась война и Фридрихсгамский мир, по результатам которого Швеция утратила Финляндию. Суоми стокгольмский двор уступал России и попадал в континентальную блокаду (Бородкин, 1909: 24, 31-33; Мейнандер, 2008: 76-77). Присоединение Финляндии к России сильно ослабило позиции Швеции как в региональной, так и в общеевропейской перспективе. Фактически она выбывала из группы великих держав.

По итогам русско-шведской войны архитектура российско-норвежского пограничья претерпела значительные изменения.

Во-первых, в масштабе территории общее пограничное пространство существенно удлинилось и расширилось от «Финского выступа» на северо-западе до полуострова Рыбачий на северо-востоке, увеличившись почти в 3 раза.

Во-вторых, часть пограничья приобрела очертания четкой линии границы. Согласно пограничной конвенции в Торнео в 1810 г., границей Великого княжества Финляндского и Швеции признавалась р. Торнео по срединной линии на север до стыка трех границ (Норвегии, Швеции и Финляндии) у о. Кольме Яуре. От Кольме Яуре до г. Колмисойве Мадакиеца официальной установленной линии границы не было, но на этом участке условную силу имел Шведско-Датский акт о границе 1751 г. От Колмисойве демаркационная линия заканчивалась, после которой начинались совместные владения (Похлебкин, 1995: 307).

С присоединением Финляндии российско-норвежское пограничие приобрело асимметричный характер по своей внутренней и внешней структуре. Оно уже перестало иметь очертания одного лишь фронта, так как западный и северо-западный участки приобрели четкие демаркационные линии, но северо-восточная часть все еще сохраняла фронтальный статус.

В-третьих, географически Россия стала еще ближе к Норвегии. Теперь Финляндия и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди шведской и норвежской элиты стал приобретать все большее военно-стратегическое значение (Eriksen, 1981: 28). Это было связано с формируемым образом «русской угрозы», получившим широкое распространение среди столичной элиты Норвегии и Швеции после наполеоновских войн.

Рис. 3. Карта российско-шведско/норвежской границы начала XIX в.

Изначально фигура «русской угрозы» сложилась в Швеции, которая имела большой исторический, но достаточно неудачный для Королевства в XVIII в. опыт борьбы с Россией за доминирование в Балтийском регионе. Периодические длительные войны в течение одного столетия лишь упрочивали миф о желании России захватить Швецию или отторгнуть часть ее территорий. В XVIII в. Швеция воевала с Россией три раза общей длительностью двадцать лет. Последний конфликт 1808–1809 гг., по результатам которого Швеция утратила около 45 % своих владений, создал прочный фундамент для веры в постоянство русской опасности. Внешне формируется представление о Швеции как о жертве экспансионистской политики России (Åselius, 1994; Мезин, 2003). Данные о причинах конфликтов опровергают этот факт. Известно, что шведско-русские конфликты после Северной войны 1700–1721 гг. были вызваны нежеланием России поглотить шведские территории, а в первую очередь реваншистскими настроениями шведских элит. Несмотря на видимую иррациональность оснований, миф был достаточно выгоден элитам для легитимации реваншистской политики и формирования системы государственной безопасности.

После присоединения Финляндии предубеждение о российской опасности укрепилось, что делало короля Швеции-Норвегии Карла Йохана и стокгольмский двор очень предусмотрительными к наличию открытых зон на северной окраине Объединенных королевств. В этой связи, когда в 1816 году норвежское правительство предложило Карлу Йохану инициировать переговоры по делимитации границы в «общих округах» – норвежское наименование Северного Фронттира, он без особого промедления одобрил решение Госсювета. Король понимал, что Александр I очевидно не пошлет русские войска, чтобы отторгнуть Финнмарк от Королевства, но в более длительной исторической перспективе никто не мог гарантировать, что спорные территории не станут предлогом для расширения России на северо-восток, как в случае с Финляндией (D-RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213). Она была выгодна также для внутренней консолидации общества в самой Швеции и для удержания Норвегии в составе унии (Berg, 2001b: 56-65).

В Норвегии фактор «русской угрозы» имел идеологическую и политическую природу. Последняя связана с самоутверждением Норвегии, желанием элит получить большую независимость от Швеции и обозначить свое равноправие в союзном государстве. Для этого образ внешнего врага был очень полезен, особенно в 1818–1821 гг., когда разразился конфликт по поводу союзной армии и военного бюджета. Королевский двор желал сократить норвежскую армию и количество национальных бригад, дислоцирующихся в Норвегии, что вызвало протест стортинга и норвежского офицерского корпуса (Berg, 2001a). В это же время среди норвежских офицеров стало распространяться беспокойство, что в случае войны наиболее вероятный удар основных сил России по союзному государству придется на Норвегию через Финляндию в районе так называемого «Финского выступа». Ее незамерзающая береговая полоса позволяла получить стратегическое преимущество в Северном море, а норвежские порты могли стать удобным плацдармом для дальнейшей экспансии на юг и запад. Это представление нашло отражение в публикации норвежского полковника Тидемана в 1821 г. (Berg, 2001b: 60-61)

Помимо службы прагматическим военно-стратегическим интересам Норвегии концепция Тидемана также существенно усиливала русофобские настроения в Швеции-Норвегии. Она обосновывала необходимость территориального обмена с Россией – присоединения «Финского

выступа» к Норвегии в обмен на уступку любой другой территории в пользу Российской империи. Однако в начале 1820-х гг. выгодного для Санкт-Петербурга предложения у Стокгольма не нашлось.

В России же Александр I, получив в 1809 году Финляндию и одобрив в обмен присоединение Норвегии к Швеции в 1814 году, ключевой задачей внешней политики империи на Крайнем Севере Европы считал переформатирование российско-шведских отношений и формирование политики «добрососедства», которая в дальнейшем заложила основы успешного решения вопроса о разграничении Северного Фронта в 1825–1826 гг.

Учитывая внешнеполитическую обстановку, Санкт-Петербург во внутренней политике северо-западной окраины приоритетом для себя выбрал финское направление. России необходимо было усилить лояльность населения новой провинции, что предполагалось сделать посредством расширения ее самоуправления и снижения шведского присутствия в культуре и среде финского чиновничества.

Войдя в состав Российской Империи в статусе Великого княжества, Финляндия, в отличие от Архангельской губернии, обладала широкой внутренней автономией, выражающейся в наличии собственных органов законодательной и исполнительной власти. Стратегическое положение Финляндии и ее более автономный административный статус по отношению к Архангельской губернии предопределили ассиметричность будущей внутренней приграничной политики Санкт-Петербурга по отношению к двум своим провинциям северо-западной окраины.

Для Архангельской губернии соседство с Великим княжеством ознаменовалось изменением пограничного режима. Бывшая государственная граница стала административной границей, что существенно изменило направление миграционных потоков в приграничных погостах Кольского уезда Архангельской губернии (Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский, Мотовской). В 1821 г. Александр I подписал указ, регулирующий переход административных границ между Великим княжеством и Архангельской губернией. Документ значительно упрощал пересечение границы, особенно для подданных Великого княжества из Энарского дистрикта Улеаборгской губернии, граничащего с Нявдемским, Пазрецким и Печенгским погостами (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 506; ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 685).

С изданием указа уже через год в 1822 году Кольские уездные исправники зафиксировали первых финских саами Энарского прихода на территории Печенгского и Мотовского погостов (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 2). Согласно современнику этого периода провсту Энарского прихода Феллману вышеперечисленные погосты русских саами в отличие от Энарского прихода были богаты промысловыми рыбными угодья, а также пастбищами для оленей. Кроме этого на морском побережье погостов – Варангерском заливе располагались важнейшие торговые становища (Песчаное, Шапкино, Шалим), куда для меновой торговли прибывали норвежские купцы и русские поморы (Fellman, 1906). Не удивительно, что сразу после смягчения режима пересечения границы между Архангельской и Улеаборгской губерниями, финские саами, поощряемые Феллманом, стали поселяться в благоприятных погостах Кольского уезда Архангельской губернии (АВПРИ Ф, II Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 4; ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч.2). Л. 308, 309-311). Уже в 1823 г. в Мотовском и Печенгском погостах были зарегистрированы первые постоянные финские поселенцы – две семьи саами из Энаре прихода, а в 1832 г. в этих погостах проживало уже 7 финляндских семей саами (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 2; ГААО, Ф. 2. Оп. 4. Д. 399. Л. 55-56 об). Отметим, что это были первые свидетельства регистрации подданных Великого княжества на территории русско-норвежского приграничья, зафиксированные в документах Архангельской губернии. Со второй половины XIX в. к финскому потоку колонистов с разрешения Архангельских губернских властей добавилась поселенческая колонизация поморов и норвежцев, однако финский элемент был преобладающим в приграничных с Норвегией погостах Кольского уезда Архангельской губернии (Попов, 1999: 29-31; Федоров, 2009: 123-125; Шрадер, 2006: 116).

Таким образом, с исчезновением административных барьеров между северо-западными окраинными губерниями Российской империи этнокультурный ландшафт Северного Фронта стал стремительно меняться. На территории, где некогда сосуществовали православные русские саами – скольты и протестантские норвежские саами появился новый этнический элемент – финские поселенцы. С ростом мультиэтничности региона стала усиливаться межэтническая напряженность, особенно в экономической сфере, когда велась борьба русских саами с норвежскими и финскими сородичами за промысловые угодья. Сведения о данных промысловых конфликтах составляли большую часть переписки Кольских уездных исправников с Архангельским губернским правлением 1820–1850-х гг. (ГААО, Ф.4. Оп. 2. Д. 460; ГААО, Ф. 4. Оп. 11. Д. 265; ГААО, Ф.1. Оп. 4. Т.1. Д. 973).

Финские приграничные чиновники Улеаборгской губернии озабоченные скудностью природных ресурсов собственных территорий и перспективностью открытых границ с Архангельской губернией не только поощряли промысловую и поселенческую колонизацию, выдавая местным саами разрешения, но и пытались предлагать центральным властям Великого княжества идеи по расширению торгово-промысловых прав финнов на территории Северного Фронта, а также перспективы присоединения Пазрецкого и Печенгского погостов, входящих в Кольский уезд, в состав Великого княжества.

Творцом и поборником этих идей был вышеупомянутый глава Энарского прихода провст Феллман. Все 1820-е гг. священник регулярно и настойчиво направлял в адрес статс-секретаря Великого княжества аналитические записки с различными предложениями об улучшении быта пограничных с Россией и Норвегией финляндских лопарей (Pedersen, 2006: 140-142).

В России же, где в отличие от Швеции-Норвегии и Великого княжества, эпоха национализма еще не зародилась, и этнический фактор не воспринимался всерьез. Чиновники из Санкт-Петербурга и Архангельска не ограничивали финскую миграцию и не пытались ввести особые правила для их пребывания на Северном Фронтире, а даже напротив, в 1860-е гг. архангельская губернская администрация озаботившись вопросом развития Западного Мурмана стала питать большие надежды на финских и норвежских мигрантов в процессе колонизации и обустройства русской части российско-норвежского приграничья (Попов, 1999: 29-31; 37; Федоров, 2009: 123-125; Шрадер, 2005: 116).

1820-е гг. в истории Северного Фронтира ознаменовались разграничением его физико-политического пространства в 1826 году. Делимитации границы предшествовало несколько лет подготовительной работы (1822–1825 гг.). Проблема разграничения фронта формально возникла из-за трансграничных промысловых споров между жителями Финмаркской и Архангельской губерний. Коренные жители приграничных погостов Кольского уезда – скольты и губернская русская администрация хотели, чтобы все оспариваемые Швецией-Норвегией территории трех погостов скольтов вошли в состав Российской империи. Николай I желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил вопрос в пользу Норвегии. Согласно одобренному императором проекту разграничения, Россия уступала в пользу Швеции-Норвегии Нявдемский и половину Пазрецкого погоста (Голдин, 2015: 529-530).

Несмотря на то, что финская сторона не принимала участия в переговорах о разграничении Северного Фронтира, конвенция 1826 года устанавливала и норвежско-финский участок российско-шведской границы, прошедшей от о. Кольме Яуре – точки, определенной Торнеоским договором 8–20 ноября 1810 г., до точки г. Колмисойве-Мадакиеца.

Линия границы соответствовала старому датско-шведскому пограничному договору, утвержденному в 1751 году, и была приемлема для норвежской стороны, однако финский Сенат был возмущен фактом утверждения норвежско-финского участка имперской границы без участия делегатов от финской стороны.

Рис. 4. Карта российско-шведско/норвежской границы к 1826 году.

Раздражение вызывали и правила конвенции (Pedersen, 2006: 144-146). Финляндские саами Энарского прихода, промышлявшие на территории Нявдемского погоста, не получили закрепления своих промысловых интересов в конвенции 1826 г. (Pedersen, 2006: 11-13, 171-173)¹. Согласно конвенции на территории, отошедшей к Норвегии, вводились ограничения на промыслы для российских подданных. Привилегии частично сохранялись только для коренных жителей приграничных погостов со стороны Архангельской губернии.

¹ Имеется в виду договор 1751 г., принятый между правительствами Королевств Дании и Швеции. В период нахождения в составе шведского Королевства Финляндия обладала собственной политической и административной автономией, поэтому пограничный вопрос середины XVIII в. решался без участия финских представителей

Еще большее место занимал вопрос: какими нормами можно регламентировать пастьбу оленей норвежско-финских горных лопарей? До 1809 г. пастьба оленей была регламентирована саамским кодексом, дополнительным протоколом к норвежско-шведскому пограничному договору 1751 г. Однако хозяйственные потребности лопарей в начале XIX в. изменились: финские саамы стали интересоваться морскими и речными промыслами, которые кодексом были значительно ограничены. В то же время увеличилась миграция норвежских оленей, что не устраивало финских приграничных жителей. Сенат надеялся, что кодекс можно отменить и проработать новые правила трансграничного промысла (АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 3-4). Наверстывая просчеты, неучтенные во время переговоров 1825–1826 гг., в 1828 году были закреплены торговые права финских пограничных жителей на территории бывшего Северного Фронта. Вопрос о судьбе саамского кодекса решили оставить для совместной комиссии пограничных чиновников в 1832 г. Финско-норвежская комиссия в Пульмаке должна была рассмотреть вопрос о кодексе (Pedersen, 2006: 144-148).

Двухсторонние переговоры касательно применимости саамского кодекса проходили одновременно с заседанием русско-норвежской комиссии в Пульмаке. Финский представитель Ингстрем превысил полномочия и предложил пересмотреть договор 1751 г., от чего норвежский представитель Каппелен уклонился (РА/ЕА-4036/Н/Нс/Л0021)¹. Финский сенат стал готовиться к новым переговорам, вследствие чего статс-секретарь Великого княжества граф Р.И. Ребиндер провел встречу с министром внутренних дел Российской империи Д.Н. Блудовым.

По итогам встречи министр решил уточнить военного губернатора Р.Р. Галла о том, считает ли он «полезным и нужным удержать» для лопарей Архангельской губернии права, закрепленные в саамском кодексе 1751 г. для «лапландцев финляндских и норвежских» (ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2). Л. 387-389)².

Архангельский губернатор не стал проявлять настойчивого желания по вопросу, решившись для начала ознакомиться с саамским кодексом 1751 г. Д.Н. Блудов, получивший ответ почти в то же время, что и отчет губернатора о встрече в Пульмаке, отправляет запрос на имя К.В. Нессельроде с вопросом о возможности употребить саамский кодекс за образец для определения новых промысловых правил для архангельских лопарей (ГААО, Ф. 2. Оп. 4. Д. 399. Л. 83-92; АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 111-114).

К.В. Нессельроде пытаясь избежать обострения в российско-шведских отношениях из-за незначительной проблемы трансграничных промыслов, подчеркнул, что финляндская сторона неправомочна рассматривать вопрос о пересмотре пограничной линии 1751 г., утвержденной конвенцией 1826 г., а должна вернуться к проблеме возможного использования кодекса для принятия новых промысловых правил (АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 169-170).

Швеция-Норвегия не считала, что за действиями России стоят какие-то скрытые мотивы, но постепенно с середины 30-х гг. оценка мотивов стала существенно изменяться. В это время под влиянием внутренних и внешних политических процессов в Скандинавии усилилась антироссийская пропаганда.

Кронпринц Оскар I, возглавивший королевство в 1844 г., тяготился геополитическими реалиями, навязанными Россией в 1809 г. В Швеции-Норвегии казалось очевидным, что главным мотивом внешней политики царской России в отношении Королевства было желание России расширить свои территориальные границы за счет Норвегии и Швеции. Образ «русской угрозы» стал ориентиром в выстраивании внешнеполитической линии Швеции-Норвегии в отношении России. Этому потворствовали неловкие и противоречивые действия имперского МИДа в вопросе о финских лопарях с целью отстаивать интересы Великого княжества и не учитывать интересы ни жителей Архангельской губернии, ни последствия от слепого следования линии в переговорах, навязанной финляндской стороной (Zaikov, 2010: 34-38; Lähteenmäki, 2006: 226).

Дело в том, что притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат настойчиво требовал изменить линию границы, утвержденную в 1826 г., или произвести обмен территориями (Pedersen, 2006: 167-168). В 40-е гг. финское население переживало сильнейший голод, и одним из спасений от голода стал рыбный промысел в Норвегии, которому препятствовали нормы саамского кодекса, налагавшие некоторые ограничения на прибрежную ловлю для финских лопарей. Российское правительство, опасаясь гибели имперских подданных, уступило Сенату и согласилось поддержать радикальную линию в переговорах с Объединенными королевствами (РА/РА-0409/V/L0003/boks – XIII).

В 1840 г. Швеция-Норвегия предложила России обменяться территориями. Объектом был так называемый «Финский выступ» норвежско-финского участка границы. В обмен Стокгольм предлагал России часть святых земель в Иерусалиме и собственность в Москве. Это предложение было положительно встречено в Санкт-Петербурге (Palmstierna, 1932: 270-274) отчасти потому, что оно

¹ Отношение фогда Каппелена в Фин. деп. от 03.10.1832

² В 1832 г. в Пульмаке комиссия была трехсторонней. Это было связано с разбирательствами по двум разным вопросам: Саамском кодексе 1751 г. между норвежским и финским представителем. VII статье конвенции 1826 между норвежским и архангельскими представителями.

частично совпадало с проектом об обмене территориями, представленным еще Александру I русским посланником в Стокгольме графом Сухтеленом в октябре 1826 накануне смерти императора (АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288-289).

Проект был изложен в депеше на имя вице-канцлера Нессельроде. Сухтелен предлагал вступить в новые переговоры со шведским правительством по пересмотру границы. Речь шла об обмене территориями, и Граф предлагал обменять пространство Великого княжества, находящееся севернее от о. Кольто Яуре до Шекемь-Июки, на часть бывших общих округов в Норвегии, находящихся от р. Паз до середины Варангерского фиорда (современное местечко Варангер ботн) и от него до р. Тана.

Посланник писал об успешности таких переговоров со Швецией с такой уверенностью, будто он имел предварительные консультации по этой инициативе от королевского министерства. Граф упомянул, что «*проведение новой границы господин Статс-секретарь княжества Финляндского (граф Ребиндер) считает возможным, но считает необходимым снестись с финляндским сенатом*» (АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288-289). Сомнительно, чтобы посланник мог сам выдвинуть идею обмена владений.

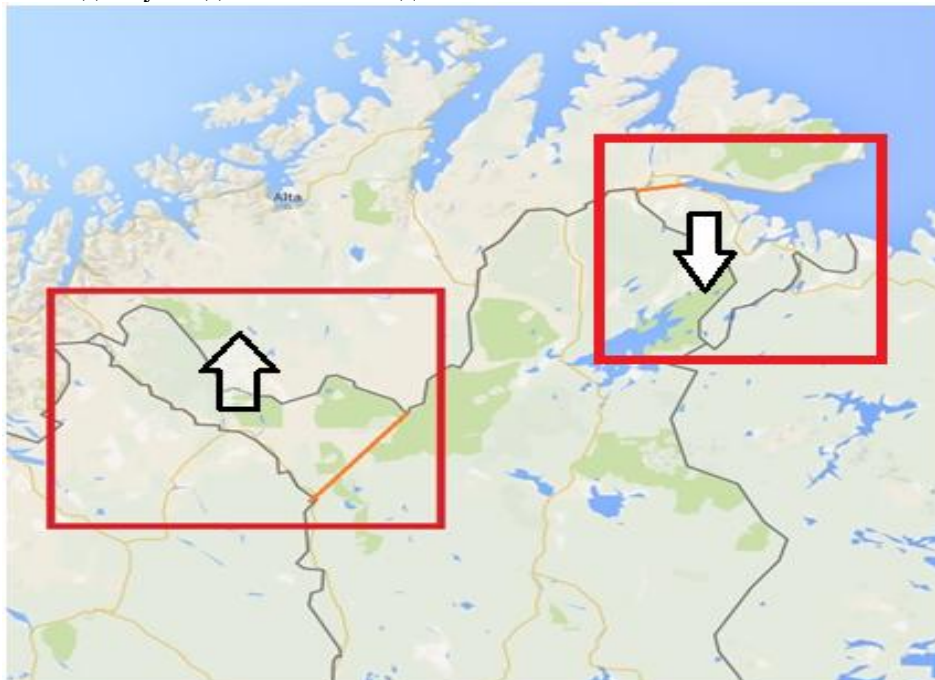

Рис. 5. Карта предполагаемого территориального обмена.

Была ли шведская сторона заинтересована в пересмотре границы? Для этого обратимся к шведской военной доктрине XIX в. Основываясь на опыте войны 1808–1809 гг., в Шведском Генштабе утвердилась доктрина континентальной обороны, включавшая ранние наработки Тидемана. Считалось, что в случае войны основной удар по Королевству русские нанесут с территории Финляндии. Тактический вопрос был лишь в том, в каком направлении оно будет совершено. В этом смысле, одним из слабых мест в архитектуре границы можно назвать наличие так называемого «Финского выступа» на участке норвежско-финской границы от Кольто Яуре до г. Шекем Июки.

Его близкое расположение к норвежскому побережью и столице провинции Тромс создавало благоприятные условия для наступления русских именно на этом участке границы, преследовавших цель отрезать север Норвегии от Королевства, и после перегруппировки использовать его порты для последующего наступления на Трондхейм (Berg, 2001a: 60-61).

Из соображений безопасности Карл Йохан вполне мог пожертвовать «бесполезным» пространством в Финнмарке для того, чтобы обезопасить Королевство на другом участке границы. Выступление с инициативой пересмотра границы было чревато для Короля политическими последствиями. Норвежский парламент мог выразить протест против таких действий. Самым удобным способом реализация этого проекта виделась через Россию, которая могла выступить как бы инициатором переговоров. После чего, прощупав почву, королевское правительство могло организовать новые пограничные переговоры. К счастью или нет, данные переговоры так и не начались. Финляндский сенат не стал соглашаться на обмен территориями тогда, а решил пойти на более радикальные меры и пересмотреть договор 1751 г. Тема обмена территорий затихла на десятилетие.

В 1840-е гг. Николай I решил взять проект Сухтелена за основу и в случае его одобрения Шведским двором включить приобретенный южный Варангер в состав Великого княжества. Предложение, естественно, было отклонено норвежским правительством (RA/PA-0409/V/L0003/boks

– XIV). Последующие за этим переговоры 1846–1848-х гг. также не дали результатов – представители Норвегии уклонялись от предоставления финским лопарям каких-либо промысловых привилегий. Чувствуя некоторую тщетность попыток урегулировать вопрос на базе кодекса, который был выгоден только норвежским лопарям, имперский МИД решает признать действие саамского кодекса необязательным и вести переговоры более агрессивно ([RA/PA-0409/V/L0003/boks – XIII](#)).

В канун очередного раунда переговоров в 1851 г. на подготовительных межведомственных консультациях приняли решение предъявить Норвегии ультиматум: Норвегия должна признать юридическую необязательность кодекса 1751 г. и принять предложение расширить промысловые права финских лопарей; в противном случае, Россия объявляет кодекс необязательным для исполнения и закрывает норвежско-финский участок границы для обоюдных подданных.

По мнению кураторов переговоров графа А.С. Меншикова и сенатора К.Ф.-Ф. Лангеншельда ультиматум должен был склонить Норвегию принять российский проект. Они верили, что норвежская сторона пойдет на уступку, так как норвежские горные лопари нуждались в пастбищах на севере Финляндии не меньше финских лопарей в норвежских северных берегах. Никто не предполагал, что Норвегия будет пренебрегать интересами горных лопарей. В то же время новая позиция не являлась чисто фигуральной дипломатической уловкой. Российский МИД действительно полагал, что сохранять какие-либо права для норвежских горных лопарей нет смысла, если преимущества от него получает лишь одна сторона ([RA/PA-0409/V/L0003/boks – XVI](#)).

Резкое изменение позиции имперского МИД в Королевстве получило иное логическое объяснение. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить в будущем свой суверенитет ([Palmstierna 1932: 294-295; 61. Eriksen, 1981: 28](#)). На это указывало не только смена тональности дипломатических переговоров, но и усилившаяся идеологическая поляризация Европы.

Великие державы стремились расширить свою мощь за счет привлечения в противоборство альянсов большее число малых держав. Великобритания посредством дипломатических каналов пыталась использовать идеологизированные доктрины, чтобы усилить антирусские настроения в Швеции-Норвегии ([Nielsen, 2008; Zaikov, 2010](#)). В итоге взаимодействие субъектов на локальном и региональном уровнях наделялось инструментальными характеристиками воображаемой внешнеполитической стратегии России. Весь комплекс российско-норвежских взаимодействий подвергся чрезмерной секьюритизации, и финские лопарские промыслы являлись ее составной частью. Стокгольм предпочел закрыть границу, что и было сделано в 1852 г. ([Eriksen, 1981: 28](#)).

В 1850-е гг. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Швецию-Норвегию к новому политическому соглашению с Англией и Францией – главными соперниками России.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, а Великобритания и Франция взамен гарантировали неприкосновенность границ унии.

На всем протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Ворьма граница получила четкие политико-идеологические ориентиры ([Nielsen, 2008: 116](#)). Это предопределило постепенную политизацию пограничных промыслов русских лопарей. Неслучайно, что в это же время на границе в Норвегии появилась собственная администрация для надзора над лопарскими промыслами.

5. Заключение

Вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского привело к изменению границ на Крайнем Севере и формированию финско-норвежского участка общей российско-шведско/норвежской границы. Присутствие России в Северной и Западной Европе усилилось, что постепенно привело к идеологизации общей границы, послужившей фактором формирования образа «русской угрозы», оформившегося в Швеции-Норвегии в 1830-е гг.

В истории финско-норвежского спора о трансграничных промыслах на российско-норвежской границе 1830–1850-х гг. идентичный, по сути, вопрос по защите прав российских подданных на норвежской территории, но не русских, а финских саами в переговорной фазе приобрел форму острой борьбы Санкт-Петербурга в альянсе с Великим княжеством Финляндским вопреки интересам Швеции-Норвегии. Это произошло, несмотря на заведомое противоречие интересов финской окраины внешнеполитическими интересами России и даже при предсказуемом отрицательном результате данных переговоров.

Таким образом, в 1830–1850-е гг. центральные российские власти демонстрировали приоритетность интересов жителей Великого княжества интересам жителей Архангельской губернии, что неудивительно в контексте общей политики умиротворения финской окраины после ее присоединения в 1809 г. к России. Олицетворением этого стало приобретение Финляндией широкой внутренней автономии в составе Российской империи, складыванием собственных демократических

институтов, позволивших ее приграничным округам интегрировать интересы своих приграничных жителей в национальный масштаб и успешно отстаивать их интересы на уровне метрополии, понимая свою приоритетность в контексте внутренней политики государства.

Умиротворительная политика Санкт-Петербурга в отношении Великого княжества Финляндского превратила его из объекта в ключевой субъект процесса формирования территориальной политики России на пространстве бывшего Северного Фронта. В этнокультурном пространстве русской части российско-норвежского пограничья это отразилось в появлении финского этнического компонента, который стал стремительно усиливаться к середине XIX в.

Усиление финского фактора в выстраивании внешнеполитической линии имперской пограничной политики в отношении Швеции-Норвегии спровоцировало секьюритизацию пограничья в Норвегии. Это включало интеграцию всего комплекса взаимодействий на общем российско-норвежском приграничном пространстве, в том числе трансграничных промыслов русских и финских лопарей в систему угроз безопасности Швеции-Норвегии, политизации бытовых приграничных конфликтов и, как следствие, особый комплекс мер по защите территориальной целостности границ унии, включавшем закрытие финско-норвежского участка общей границы, введение политики толерантности в отношении промыслов русских саами на русско-норвежском участке границы и выстраивание многостороннего формата гарантий неприкосновенности российского участка границы унии.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи.
- Бородкин, 1909 - *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. Санкт-Петербург, 1909. С. 24, 31-33.
- Бородкин, 1915 - *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Императора Николая I. Санкт-Петербург, 1915.
- ГААО – Государственных архив Архангельской области.
- Зайков, 2016 - *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5. С. 46-51.
- Мезин, 2003 - *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-5.html> (дата обращения: 12.11.2012)
- Мейнандер, 2008 - *Мейнандер Х.* История Финляндии. Москва, 2008. С.76-77.
- Попов, 1999 - *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 29-31.
- Похлебкин, 1995 - *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Книга 1. Москва, 1995. С.307.
- Похлебкин, 1997 - *Похлебкин В.* Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48–61.
- Федоров, 2009 - *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI – XX вв. Мурманск, 2009. С.123-125;
- Шрадер, 2006 - *Шрадер Т.А.*: Колонисты на Мурманском побережье // Вестник Баренц-центра МПГУ. 2006. № 5.
- Andresen, 1989 - *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.
- Åselius, 1994 - *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994.
- Berg, 2001a - *Berg, R.* Norsk forsvarshistorie 1814–1905. Oslo, 2001.
- Berg, 2001b - *Berg, R.*: Russofobiens røtter 1820–1855, Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord–Norge gjennom tusen år // Speculum Boreale, Tromsø. 2001. №. 1. S. 53-65.
- Eriksen, 1981 - *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1981.
- Fellman, 1906 - *Fellman J.* Anteckningar under min vistelse i Lappmarken bd. III. Helsingfors, 1906.
- Goldin, 2015 - *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 37 (3): 522-523.
- Lähteenmäki, 2006 - *Lähteenmäki M.* The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.

- Nielsen, 2008 - *Nielsen, J.P.* Norwegian Images of Russia and the Russians, Россия и Запад. Исторический опыт XIX–XX веков, под ред. Липкин М.А., М., 2008. С. 115-116.
- Niemi, 2009 - *Niemi E.* Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet, Det Hjemlige og det globale. Festskrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo, 2009. Pp. 431-455.
- Palmstierna, 1932 - *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. KrigNovembertraktatensFörutsättningar. Stockholm, 1932. P. 270-274.
- Pedersen, 2006 - *Pedersen S.* Lappekodisillen i nord 1751–1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke. Doktoravhandling. Tromsø, 2006.
- Ryymin, 2004 - *Ryymin T.* Historie, fortidsforestillinger og kvensk identitetsbygning // Fortidsforestillinger. Bruk og misbruk av nordnorsk historie. Rapport fra det 27. Nordnorske historieseminar, Hamarøy 27-29.9.2002. Tromsø, 2004. S. 133-152.
- Wikan, 1995 - *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
- Zaikov, 2010 - *Zaikov, K.* The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. S. 34-38.

References:

- AVPRI - Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- Borodkin, 1909 - *Borodkin M.M.* Istoriia Finliandii. Vremia Imperatora Aleksandra I [History of Finland. Time of Emperor Alexander I]. Sankt-Peterburg, 1909. P. 24, 31-33. [in Russian]
- Borodkin, 1915 - *Borodkin M.M.* Istoriia Finliandii. Vremia Imperatora Nicolaia I [History of Finland. Time Emperor Nicholas I]. Sankt-Peterburg, 1915. [in Russian]
- GAAO – Gosudarstvennyi arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region]
- Zaikov, 2016 - *Zaikov K.S., Tamitskii A.M.* Mezhnatsionalnye otnosheniia v Rossiiskoi Arktike: sostoianie i perspektivy [Interethnic relations in the Russian Arctic: state and prospects] // Analiticheskii vestneyk Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniia RF. 2016. № 5. P. 46-51. [in Russian]
- Mezin, 2003 - *Mezin S.A.* Vzgliad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I [View from Europe: French authors of the XVIII century about Peter I]. Sarahtov, 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-5.html> (data 12.11.2012) [in Russian]
- Meinander, 2008 - *Meinander H.* Istoria Finliandii [History of Finland]. Moscow, 2008. P. 76-77. [in Russian]
- Popov, 1999 - *Popov G.P., Davydov R.A.* Murman. Ocherk istorii kraia XIX – nachala XX v. [Murman. Outline of the history of the region of XIX - early XX century]. Ekaterinburg, 1999. P. 29-31. [in Russian]
- Pokhlebkin, 1995 - *Pokhlebkin V.* Vneshniaia politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh. Kniga 1[Foreign policy of Rus, Russia and USSR in 1000 years in names, dates and facts. Book 1]. Moscow, 1995. P. 307. [in Russian]
- Pokhlebkin, 1997 - *Pokhlebkin V.* Rossiia pervoi priznala norvezhskuiu nezavisimost [Russian first recognized Norwegian independence] // Mezhdunarodnaia zhizn. 1997. № 5. P. 48–61. [in Russian]
- Fedorov, 2009 - *Fedorov P.V.* Severnyi vektor v rossiiskoi istorii. Centr i Kolskoe zapoliare v XVI – XX vv.[North vector in Russia's history. The center and the Kola Polar region in the XVI - XX centuries]. Murmansk, 2009. P. 123-125. [in Russian]
- Shrader, 2006 - *Shrader T.A.* Kolonisty na Murmanskom poberezhe [The colonists at the Murmansk coast] // Vestneyk Barents-centra MPGU. 2006. № 5. P. 115-123. [in Russian]
- Andresen, 1989 - *Andresen A.* Siida som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826 [Siida disappeared. East Sami in the Pasvik by the Norwegian-Russian border contraction in 1826]. Kirkenes, 1989. [in Norwegian]
- Åselius, 1994 - *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994.
- Berg, 2001a - *Berg, R.* Norsk forsvarshistorie 1814–1905. [Norwegian defense history 1814-1905]. Oslo, 2001. [in Norwegian]
- Berg, 2001b - *Berg, R.* Russofobiens røtter 1820–1855, Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord–Norge gjennom tusen år [Anti-Russian sentiment roots 1820-1855, the perilous north. Threats and threat perceptions related to Northern Norway through one thousand years] // Speculum Boreale, Tromsø. 2001. №. 1. P. 53-65. [in Norwegian]
- Eriksen, 1981 - *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940 [The Finnish menace: Security problems and minority politics in the North 1860-1940]. Oslo, 1981. [in Norwegian]
- Fellman, 1906 - *Fellman J.* Anteckningar under min vistelse i Lappmarken bd. III [Notes during my stay in Lapland bd. III]. Helsingfors, 1906. [in Swedish]
- Goldin, 2015 - *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 37 (3): 522-523.

- Lähteenmäki, 2006** - *Lähteenmäki M.* The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
- Nielsen, 2008** - *Nielsen, J.P.* Norwegian Images of Russia and the Russians, *Rossia i Zapad. Istoricheskiy opyt XIX–XX vekov*, pod red. Lipkin M.A. Moscow, 2008. P. 115–116.
- Niemi, 2009** - *Niemi E.* Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet, Det Hjemlige og det globale. Festschrift til Randi Rønning Balsvik [Border and Periphery. A meeting place for State, Nation and Ethnicity, The Domestic and Global. Devoted to Randi Rønning Balsvik]. Oslo, 2009. P. 431–455. [in Norwegian]
- Palmstierna, 1932** - *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar [Sweden, Russia and England, 1833–1855. War November handouts Prerequisites]. Stockholm, 1932. P. 270–274. [in Swedish]
- Pedersen, 2006** - *Pedersen S.* Lappekodisillen i nord 1751–1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke. Doktoravhandling [Lapp Codicil in the North 1751–1859. From border agreement and securing of Saami rights to limit barring and Sami accident. Doctoral Thesis]. Tromsø, 2006. [in Norwegian]
- Ryymin, 2004** - *Ryymin T.* Historie, fortidsforestillinger og kvensk identitetsbygging [History, past performances and Kven identity construction] // *Fortidsforestillinger. Bruk og misbruk av nordnorsk historie. Rapport fra det 27. Nordnorske historieseminar, Hamarøy 27–29.9.2002.* Tromsø, 2004. P. 133–152. [in Norwegian]
- Wikan, 1995** - *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene [Border village Neiden. Meeting between ethnic groups and the struggle for resources]. Svanvik, 1995. [in Norwegian]
- Zaikov, 2010** - *Zaikov, K.* The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, *Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34. nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009.* Tromsø, 2010. P. 34–38.

УДК 94(470+481)(045)

Финский фактор в истории Северного Фронтара Российской империи 1809–1855 гг.

Константин Сергеевич Зайков^{a,*}, Александр Михайлович Тамицкий^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории «Северного Фронтара» – российско-норвежского пограничья, а именно роли Великого княжества Финляндского в формировании пограничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии на общем приграничном пространстве периода 1809–1855 гг. Авторы статьи демонстрируют, что вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи усилило ее возможности по отстаиванию формирующей системы национальных интересов на Крайнем Севере Европы. В тоже время рост влияния Великого княжества на формирование внутренней и внешней политики России способствовали идеологизации общей российско-шведско/норвежской границы и формированию образа «русской угрозы», который был распространен среди политической элиты Шведско-норвежской унии в 1820–1850-е гг.

Распространение в Объединенных королевствах Швеции и Норвегии русофобских настроений ускорило постановку вопроса о формальном разграничении Северного Фронтара на повестку российско-шведских дипломатических отношений первой половины 1820-х гг. Фактор «русской угрозы» также послужил идейной основой постепенной секьюритизации и политизации российско-норвежского пограничья.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в систему потенциальных угроз национальной безопасности Объединенных королевств был включен весь комплекс трансграничных отношений между населением Финмаркской (Швеция-Норвегия), Улеаборгской (Великое княжество Финляндское) и Архангельской губерниями. Кульминацией этих процессов было закрытие финско-норвежского участка российско-шведско/норвежской границы в 1852 году и вхождение унии в антироссийскую коалицию с Англией и Францией, что было формально закреплено в так называемом Ноябрьском трактате 1855 г.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, «русская угроза», российско-норвежское пограничье, саамы, лопарские промыслы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), a.tamitskiy@gmail.com (А.М. Тамицкий)